Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 187–195. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 187–195. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81`42
EDN CSLRGO
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-187-195

СПОСОБЫ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ

Бугреева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e.bugreeva@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7571-0961

Аннотация. В статье рассматриваются один из аспектов изучения языковой репрезентации и трансляции культурного кода в медиапространстве. Автор последовательно описывает типологию культурных кодов, ставит проблему выделения единицы исследования культурного кода, предлагает классификацию таких единиц, обосновывает выбор материала исследования и анализирует способы динамической трансляции единиц культурных кодов разных уровней в текстах стишков-пирожков и стишков-порошков. Основные методы исследования включают метод структурного анализа, анализ контента, методы лингвистического анализа и анализ культурно-маркированных языковых единиц. В результате исследования выделены и проиллюстрированы восемь способов динамической трансляции культурных кодов в сетевом фольклоре: прямое упоминание единицы культурного кода; аллюзивное описание; интеграция другого значения слова в ее состав; помещение единицы культурного кода в другой контекст; деконструкция; рефлексивное описание; развитие сюжета; генерация абсурдного нарратива на стыке нескольких единиц. Результаты исследования могут представлять интерес для лингвистов, магистрантов и аспирантов, изучающих медиакоммуникацию, лингвокультурологию, кросс-культурную коммуникацию.

Ключевые слова*:* культурный код, единица культурного кода, динамическая трансляция культурного кода, медиакоммуникация, сетевая поэзия, интернет-фольклор, стишок-порошок, стишок-пирожок.

Для цитирования: Бугреева Е.А. Способы трансляции культурных кодов в современной сетевой поэзии // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 187–195. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-187-195

Research Article

DYNAMICS OF CULTURAL CODES IN CONTEMPORARY ONLINE POETRY

Elena A. Bugreeva, PhD in Pedagogy, Associate Professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.bugreeva@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7571-0961

Abstract. This article discusses the linguistic representation and dynamic communication of cultural codes in the media space. The author consistently describes the types of cultural codes, proposes a classification of linguistic units to research into cultural code, and analyses how network folklore communicates cultural codes. The key research methods include structural analysis, content analysis, linguistic analysis, and the analysis of culturally marked linguistic units. As a result, this study highlights eight ways of communicating cultural codes in network folklore: a unit of cultural code can be directly mentioned, allusively described, put in another context, deconstructed, reflexively described, developed, another word meaning can be integrated in its composition, and a new narrative can be generated based on several units of cultural code. The results can be of interest to linguists, master's and postgraduate students studying media communication, cultural linguistics, and cross-cultural communication.

Keywords: cultural code, unit of cultural code, dynamic communication of cultural code, media communication, online poetry, network folklore (netlore), pirozhok "pie rhyme", poroshok ("mindless" rhyme).

For citation: Bugreeva E.A. Dynamics of cultural codes in contemporary online poetry. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 187–195. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-187-195

© Бугреева Е.А., 2025

Язык культуры является объектом изучения разных дисциплин: лингвокультурологии, социолингвистики, этнопсихолингвистики. Данное междисциплинарное исследование исходит из того, что язык культуры представляет собой некий код (как и любой язык вообще), знание которого является необходимым условием эффективной коммуникации. Понятие «культурный код» условно и трудно определимо. Культурный код скрыт от понимания многих людей (67 % россиян не знакомы с понятием «культурный код»[1]), но отчетливо проявляется в социальной практике.

Многочисленные научные публикации о культурных кодах дают представление (не всегда четкое) об их природе и свойствах, однако остается недостаточно изученной проблема выделения единицы исследования культурного кода в разных типах (устной и письменной, вербальной и невербальной, художественной, научной и официально-деловой, онлайн и оффлайн) коммуникации. В данном исследовании предпринята попытка разрешить противоречие между теоретическими размышлениями о культурном коде и способах его реализации в коммуникации. В статье рассматривается письменная художественная вербальная онлайн-коммуникация.

В последние десятилетия общение последовательно переместилось в виртуальное пространство, поэтому изучение культурных кодов целесообразно именно в современном медиапространстве как месте их сосредоточения и активного функционирования. С.И. Сметанина отмечает такие важные для данного исследования особенности современного медиатекста, как редукция фактологической стороны сообщения; полилог разных культурных языков; контрастные стилистические регистры; столкновение нормативного и аномального, разных типов сознания, в том числе и художественного; наличие этапа прогнозирования читателем смыслов и оценок; экспрессия, наделенная интеллектуальной напряженностью; активизация словотворчества; подключение читателя к творческому процессу смыслопорождения и другие [Сметанина].

Цель данного исследования – описать параметры кодирования культуроносной информации в современной сетевой поэзии. Задачи исследования: 1) уточнить понятие «культурный код» и его коммуникативные составляющие; 2) обосновать выбор сетевой поэзии как материала исследования; 3) определить тематический круг культурно-маркированной информации в сетевой поэзии; 4) описать способы трансляции единиц культурного кода в сетевой поэзии.

Методы исследования включают общенаучные аналитико-синтетические методы – для определения ключевых понятий и их характеристик; метод структурного анализа – для выявления структуры культурного кода; контент-анализ – для определения тематических групп единиц культурного кода; методы лингвистического анализа – для определения способов языковой репрезентации и трансляции культурных кодов; анализ культурно-маркированных языковых единиц – для определения их принадлежности к культурному коду; количественный метод обработки информации – для определения частотности употребления культурно-маркированных языковых единиц определенной тематики.

Материалом исследования явилась точечная выборка из 100 стишков-пирожков и стишков-порошков в телеграм-каналах «Четыре строчки без точки» и «Стишки пирожки». Выбор материала исследования обусловлен тем, что именно фольклорный текст (паремия, сказка, частушка, анекдот) всегда отражал аспекты, актуальные для большинства людей на определенной территории или, например, в рамках одного поколения, то есть являлся «транслятором» культурного кода народа или социальной группы. Критерии отбора текстов: наличие эстетической ценности; присутствие одного или нескольких культурно-маркированных элементов; отсутствие обсценной лексики и провокационных смыслов.

Опираясь на исследования ведущих ученых, определим *культурный код* (далее – КК) как ментальный конструкт, состоящий из совокупности информационных маркеров, позволяющих человеку, владеющему этим кодом, адекватно воспринимать и реагировать на пространственно-временные, поведенческие и речевые (вербальные и невербальные) процессы в определенной культуре. *Типология культур* включает национальные, региональные, культуры социальных групп (профессиональную, корпоративную, семейную, поколенческую, субкультурную) и культуру индивида. Все элементы в данной многомерной модели кросс-культурной коммуникации характеризуются приращением культуроносных смыслов. Соответственно, можно различать КК каждого из этих уровней.

Одним из актуальных вопросов в исследовании КК является определение их горизонтальной структуры, то есть единиц, их составляющих, вербальное и невербальное выражение этих единиц и их динамики в коммуникации. Наиболее разработанными в плане выделения единицы КК нам представляются «атомистические» изыскания А. Вежбицкой, которые включают анализ лингвистической семантики, в частности лексической семантики [Вежбицкая]. В.В. Красных выделяет ментефакт как «строительный материал» кода культуры и предлагает классификацию ментефактов по нескольким рангам разбиения, а также выделяет три подсистемы: метафорическую, эталонную и символьную [Красных: 131]. П.Н. Донец предлагает использовать термин «смысловая модель» культуры [Донец: 190]. С.В. Иванова отмечает,

что культурологическая маркированность как явление реализуется за счет приведения в действие культурологической компоненты создаваемого языковой единицей информативного поля. В информативном плане культурологическая компонента – это культурно-ценностная информация, совмещенная с языковым значением и локализованная в единицах языковой системы [Иванова: 45–47]. Теория культурных моделей (cultural models) предполагает наличие в культурах особых моделей, являющихся результатом социального договора, с опорой на которые человек упорядочивает действительность и интерпретирует ее, а также формирует особые модели поведения [Quinn, Holland: 4].

Переосмысление представленных выше исследований позволило выделить две основные группы подходов к изучению КК: атомистические, изучающие дискретные единицы КК, реализованные в языке, и холические подходы, рассматривающие культурные модели. Группу дискретных единиц в нашей классификации составляют:

– на денотативном уровне – *прецедентная единица*: культурно-маркированное знание; наименование реалии (реалия-слово) или артефакта (включая бестиарий и артефакты вторичного мира), прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация;

– на коннотативном уровне – *культурно-маркированный смысл*: культурно-маркированное значение слова; культурно-маркированный аттитюд (соматологический, нумерологический, кинесико-проксемический, хроносический, колоремный и другие); культурно-маркированная аллюзия, денотатом которой являются миф, Библия, литературное произведение, историческое событие, событие в жизни социальной группы или человека (локальная аллюзия); и стереотип: стереотип поведения, стереотип-представление, включающее стереотипные образы (зооморфные, этнические, профессиональные, социальные и др.) и стереотипная ситуация.

Дискретные единицы входят в состав культурных моделей. Поскольку в данной части исследования анализируются только дискретные единицы КК, подробное описание культурных моделей опускается.

К основным *свойствам КК* относятся: антропоцентричность (КК присущ только человеку, который является субъектом, его генерирующим, и/или носителем); уникальность; ситуативность смысла единицы КК как ментального конструкта [Гуревич: 121]; необходимость реципиента, субъекта декодирования КК [Гуревич: 122]; владение адресантом и адресатом (реципиентом) одним и тем же КК для его декодирования; риск сбоя декодирования и игнорирования КК. Важным для нашего исследования свойством КК является его динамичность (подверженность трансформациям и преобразованиям в социальном пространстве и времени) [Букина: 236; Батыршин, Гуревич: 12]. Не менее важным свойством является мультимодальность трансляции КК в современном коммуникативном пространстве.

Особо отметим *фольклорный генезис КК*. Причисление некоей единицы к КК обусловлено актуальностью объекта, который она обозначает, или смысла, выработанного в контексте данной культуры, для всех или большинства ее членов (нации, поколения, профессионального сообщества и т. д.). Даже авторское произведение, переосмысленное сообществом (коллективным сознанием), может стать прецедентным текстом (иногда без знания его содержания и понимания его смысла) или именем и развиваться в обществе по законам фольклорного жанра (например, анекдота или мема).

С.Н. Петренко отмечает повышенную степень фольклоризации культуры эпохи постмодерна [Петренко: 116]. Лингвокреативная функция медиапространства реализуется в возникновении сетературы, охватывающей «прозаические, песенные и стихотворные тексты, которые существуют и распространяются исключительно (или по преимуществу) в Сети» [Петренко: 129], включая интернет-фольклор (netlore). Здесь нужно оговориться, что фольклор предполагает устную коммуникацию, тогда как интернет-фольклор транслируется только в письменной форме, которую «нельзя без потерь перевести в устную» [Кронгауз: 113]. К фольклору эти тексты относятся в том смысле, что это контент, создаваемый (часто анонимно) пользователями.

Выделяются вербальные и визуально-вербальные жанры поэтического интернет-фольклора. Вербальные жанры включают тексты, рассчитанные на вербальную передачу реципиенту, часто построенные на «взаимодействии культурных традиций как текстопорождающем механизме» [Петренко: 132]: хайкумена (русские хайку); хокку плюс; хокку минус; стишки-пирожки и порошки. С.Н. Петренко считает стишки-порошки «промежуточным звеном между сетевой литературой и интернет-фольклором» [Петренко: 116], что обусловлено тенденцией к их визуализации. К визуально-вербальным жанрам можно отнести мемы, демотиваторы, видео, сгенерированные ИИ (могут быть чисто визуальными).

Популярность интернет-фольклора обусловлена следующими факторами: 1) медийность формата (помещается на экране смартфона без прокрутки); 2) доступность смысла текстов для массовой аудитории (мейнстрим); 3) доступность приобщения (кажется, что такой текст легко написать); 4) законченность, целостность, содержательность короткого текста, часто (не всегда) обладающего эстетическими достоинствами; 5) развлекательность: смехо-

вой (юмористический или иронический) эффект, радость узнавания.

В результате анализа текстового материала были выделены следующие функции интернет-фольклора: рекреационная; лингвокреативная (демонстрация или упражнение в остроумии); фатическая; кодирующая (обозначение принадлежности к определенному КК или остранение от него); рефлексивная (функция самоопознания и аутопсихотерапии) (см.: [Лотман: 36]).

Таким образом, основные характеристики интернет-фольклора включают: вторичность (третичность) жанров [Щукина: 49]; народный генезис (фольклорность); анонимность (даже при наличии ника автора); гипертекстовость (при наличии ника автора); пластичность; идеологическая маргинальность (не всегда); смеховая природа; языковая игра; коннотативная окрашенность; использование несовместимых понятий (абсурдность, алогичность, анахроничность); необходимость владения кодом для понимания, «лингвокультурной компетенцией определенного уровня» [Щукина: 51].

Среди жанров сетевой поэзии особой «культуроносностью» характеризуются стишки-пирожки и стишки-порошки, что и определило их выбор в качестве материала данного исследования. Стишок-пирожок – ироническое стихотворение в форме катрена, написанное четырехстопным ямбом, количество слогов которого по строкам составляет 9-8-9-8, без рифмы, заглавных букв и знаков препинания [Петренко: 119–120]. Стишок-порошок – ироническое стихотворение, построенное по ритмической модели 9-8-9-2, в котором рифмуются вторая и четвертая строки, знаки пунктуации и заглавные буквы не используются, анжамбеман в конце строфы акцентирует парадоксальность мысли и усиливает смеховой эффект [Петренко: 126–127]. М.А. Кронгауз выделяет в порошках ретроспективный пуант в форме усеченной строки и рифмы, который «вызывает конфликт, оказываясь несовместимым с предыдущим текстом, и вынуждает читателя переосмыслить текст» [Кронгауз: 123].

Для стишков обоих жанров характерно использование прецедентных единиц и культурно-маркированных смыслов культур и субкультур разного порядка в самых неожиданных комбинациях. И.А. Чемезова, исследуя жанр стишков-порошков в аспекте языковой игры, выделяет, в частности, механизм снижения, опрокидывания смыслов исходной прецедентной единицы за счет введения новых словных компонентов [Чемезова: 154].

В данном исследовании стишки-пирожки и стишки-порошки исследуются с точки зрения их способности транслировать культурные коды разных типов в динамике. Рассмотрим способы трансляции КК в текстах этих жанров.

Анализ показал, что «строительным материалом» создания смехового эффекта стишка в основном являются единицы национального (российского и некоторых других) и поколенческого культурного кода (согласно типологии культурных кодов, представленных выше). Тематически источники прецедентных единиц и культурно-маркированных смыслов в стишках можно условно разделить на 4 группы: литература, фольклор, кино и телевидение, музыка. Наибольшее количество стишков из 100 основаны на упоминании названий произведений литературы, имен писателей и литературных персонажей (42 %). Отметим, что 12 стишков из этой группы посвящены личности и творчеству А.С. Пушкина. Фольклорные источники (32 %) включают сказки, пословицы, поговорки, скороговорки, народные поверья, обряды, традиции, представления, стереотипы (в том числе стереотипные этнические представления), сленг разных поколений, особенно часто упоминаются реалии и традиции СССР, составляющие феномена «советское детство» и аллюзии на них. Кино- и мультфильмы, телепрограммы прямо или аллюзивно упоминаются в 14 % стишков, музыкальные произведения (в основном популярная музыка) – в 12 %.

Рассмотрим приемы трансляции единиц культурного кода. Отметим сразу, что эти приемы, как правило, применяются в различных сочетаниях.

Прямое упоминание единицы КК. Как правило, в стишке присутствует контрастное или абсурдное соединение двух и более единиц КК из одного или разных тематических источников, эпох, культур, пространств (время, место): *толпа ревела хлеба зрелищ / и колизей по швам трещал / и вдруг с трибуны кто-то крикнул / борща ©Михаил Гаевский* [1]. Здесь соединяются прецедентное высказывание поэта-сатирика Ювенала «Хлеба и зрелищ!», которым он описал современное ему римское общество, прецедентное имя «Колизей» и реалия-слово «борщ». Особый эффект имеет использование плоскости «пища» (хлеб – борщ), а также противопоставление зрелища для большого количества зрителей и обиходно-бытовой сцены обеда.

Следующий стишок, скорее всего, был спровоцирован фотографией (рис. 1): *в музее юных падаванов / сегодня праздничный концерт / потом дарт вейдер прочитает / всем про гагарина стихи ©Елена* [2].

Здесь соединены прецедентные имена из разных КК, объединенные темой космоса: первый человек в космосе Юрий Гагарин и центральный персонаж саги «Звёздные войны» (с 1977, реж. Дж. Лукас) Дарт Вейдер (игра слов dark (тёмный) / death (смерть) и invader (захватчик)[2]). Абсурдность достигается тем, что в один нарратив помещаются героический (светлый) образ первого космонавта и киноперсонаж, олицетворяющий тёмную сторону силы.

Рис. 1. Фотография, иллюстрирующая стишок-пирожок [2]

Эффект низвержения демонического образа усиливается детской миссией злодея – почитать стихи про Гагарина на празднике юных падаванов (англ. padawan), то есть детей, учеников мастера-джедая[3].

Абсурдность нового нарратива в стишке *неужто нету черепахи / спросил гагарина лоза / давай греби отсюда мальчик / пока веслом не получил ©Борис & Д77* [2] формирует соединение четырех прецедентных единиц: мифологическое представление разных народов о Земле, покоящейся на спине огромной черепахи, которая плавает в океане; полет Ю. Гагарина в космос; песня «Плот» Ю. Лозы (написана в 1982 г.); и отсылка к культовой сцене из комедии «Бриллиантовая рука» (1968, реж. Л. Гайдай), в котором реплика одного из персонажей (А. Миронов) «Иди отсюда, мальчик, не мешай!» стала крылатой фразой.

Аллюзивное описание единицы КК. В следующем примере используется аллюзия на русскую народную (сюжет встречается в фольклоре и других народов) волшебную сказку «Царевна-лягушка» и аллюзия на стереотипное этническое представление о французах как любителях блюда из лягушачьих лапок (отсюда прозвище французов «лягушатники»): *лягушка ахнула ну здравствуй / мой принц румян и белокур / а он ответил облизнувшись / бонжур ©IvannaChuk* [1]. Мы говорим именно о стереотипном представлении, потому что это блюдо также является частью китайской национальной кухни, однако лягушатниками называют только французов. Контраст достигается и употреблением кратких форм прилагательных «румян и белокур», характерных для стиля русских народных сказок, и французского слова «бонжур» (переключение кодов) в позиции пуанта. Таким образом, сюжет о заколдованной царевне, в финале обретающей счастье с царевичем, получает другое развитие, о котором читатель догадывается, если ему известны прецедентный текст (сказка) и стереотипное представление о французах.

В следующем примере знатоки интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» помещаются в сюжет фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975, реж. Э. Рязанов): *грузя друзя в экспресс вечерний / не думали о том друзья / что в питер должен был уехать / вапще-то господин блинов ©Srd* [2]. Название фильма не упоминается, название города Ленинград, куда направляется главный герой фильма, заменено на Питер, а самолет – на поезд, но аллюзия расшифровывается при условии, что прецедентный текст (фильм) известен реципиенту.

Показательным также является пример аллюзии на припев песни В. Цоя «Алюминиевые огурцы»: «Ведь я сажаю алюминиевые огурцы / На брезентовом поле»: *в средине августа чуть глуше / на поле огуречный звон / слегка тускнеет алюминий / слегка топорщится брезент ©Виталий Щербаков* [1].

Интеграция другого значения слова (омонимия, полисемия) или нового значения слова в состав единицы КК. В стишке *приедут к гоголю ребята / присядут у костра в кружок / а он им знаете когда-то / я жег ©борго* [1] обыгрывается прямое значение глагола «жечь» (заставлять гореть или уничтожать огнём) и одно из переносных, сформировавшееся в сленге 1990-х, «жечь, зажигать» – «вести себя вызывающе, экстравагантно» или «вдохновлять, воодушевлять». Первое значение слова аллюзивно описывает факт сожжения писателем второго тома «Мертвых душ». Здесь также наблюдается аллюзия на традицию пионеров или туристов собираться у костра, что можно считать применением анахронизма.

Второе значение слова «жечь» обыгрывается также в следующем стишке: *открой окно и настежь двери / скорей на улицу беги / покрепче подбери глаголы / и жги ©Борис* [2]. Здесь это значение входит в состав аллюзии на цитату из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1828), где глагол «жги» имеет значение «обращайся к умам и сердцам людей».

Языковая игра, построенная на омонимии слова «любовь» и женского имени Любовь, реализована в стишке: *любовь нечаянно нагрянет / когда ее совсем не ждешь / когда она в командировке / казалось бы еще два дня ©GoldMund* [1]. Прямая цитата из песни «Сердце» (муз. И. Дунаевский, сл. В. Лебедев-Кумач) из фильма «Веселые ребята» (1934, реж. Г. Александров) рисует образ возвышенных чувств, который резко низводится прозаичностью шаблонной сцены неожиданного возвращения одного из супругов из командировки. В стишке *у красной шапочки задача / таскать бабуле пирожки / а что поделать если мама / неиссякаемый поэт ©eslitak* [2] игра слов строится на полисемии слова «пирожок» – хлебобулочное изделие и стишок-пирожок. В новом нарративе Красная Шапочка носит бабушке стишки-пирожки.

В следующем примере новое значение слова «пирожок» используется как способ ассимилирования образа недосягаемого по мастерству поэта к современному поэтическому жанру: *уже не может няня*

кружку / держать в морщинистых руках / а сашенька всё пишет вирши / подсел пиит на пирожки ©Олег С [2]. Контрастным здесь является и употребление устаревших слов «пиит», «вирши» параллельно с разговорным «подсел на пирожки».

Пример языковой игры, основанной на нескольких значениях глагола «отжимать»: *режим отжима у енота / бесспорно развит хорошо / он отжимает всё на свете / что лишь понравится ему ©SerZh V.* [2]. Прямое значение – «отжимать воду (из выстиранного белья)» и сленговое «отбирать что-то (силой)», сформировавшееся в 1990-е. Нарратив основан на аллюзии на название животного «енот-полоскун», хищного млекопитающего семейства енотовых, которое в самом деле имеет потребность окунать в воду всё, что попалось в его цепкие лапки (возможно, для размягчения пищи)[4]. Образ енота широко используется в мифологии, фольклоре, литературе, мультипликации, комиксах и видеоиграх. В фольклоре индейских племен енот, как стереотипный зооморфный образ, отличается хитростью, наглостью и вороватым характером (trickster). В русском языке название «енот-полоскун» может употреблятся как шутливое описание человека, который заботится о чистоте (от глагола «полоскать (белье)»), отсюда – «режим отжима». Иронический эффект в стишке достигается приемами языковой игры и аллюзии на характеристики енота как животного и фольклорного персонажа, что, однако, идет в разрез с восприятием образа енота как добродушного зверька, поющего песню «Улыбка» В. Шаинского в советском мультипликационном фильме «Крошка-енот» (1974, реж. О. Чуркин) по сказке Лилиан Муур (Lilian Moore) “Little Raccoon and the thing in the pool” («Крошка Енот и тот, кто сидит в пруду», пер. О. Образцовой).

Помещение единицы КК в другой временной (анахронизм) и/или пространственный контекст (не обязательно контрастирующий). Пример помещения прецедентного высказывания из легендариума Дж.Р.Р. Толкина (J.R.R. Tolkien) в контекст советской эпохи: *аркадий каждый вечер шепчет / ты прелесть прелесть ты моя / перебирая карбюратор / любимой нивы в гараже ©Елена* [2]. В советское время автолюбители сами ремонтировали свои автомобили в гаражах, ласково называя свои авто, например «ласточка». Персонаж Голлум (англ. Gollum) называет My Precious («Моя Прелесть») себя в книге «Хоббит, или Туда и обратно» (The Hobbit, or There and Back Again, 1937) и Кольцо в книге «Властелин Колец» (The Lord of the Rings, 1954-55). Смеховой эффект достигается путем соединения прецедентной ситуации и прецедентного высказывания разных источников и пространств.

Приведем пример, в котором прецедентное имя и высказывание вписаны в контекст другой культуры: *ночь пагода сады фонарик / бумажный светит вдалеке / не наливайте больше блоку / саке ©zrbjvt* [1].

В следующем стишке аллюзивно пунктирно, но узнаваемо рисуется образ А.С. Пушкина (бакенбарды, стихи) и прямо упоминается прецедентное имя Дантес: *я отрастила бакенбарды / и написала два стиха / меня уволил мой начальник / с тупой фамилией дантес ©freutmich* [2]. Однако это описание помещается в абсурдный контекст: сотрудница (окончание женского рода у глагола «отрастила») офиса или отдела была уволена начальником по фамилии Дантес из-за поклонения поэту Пушкину. Здесь также отражается типичная безусловно положительная трактовка образа великого русского поэта в культурном коде России, сожаление о его ранней гибели и желание спасти, вернуть поэта и вписать его образ в современную жизнь (чему есть множество примеров в современном кинематографе, театре, маркетинге и пр.). Безусловно отрицательное восприятие фигуры Дантеса в русской культуре маркировано здесь определением «с тупой фамилией».

Анахронизм часто строится на ярком контрастном столкновении реалий прежних эпох и сегодняшнего мира. В следующем примере герои романа М.А. Булгакова изображены как пользователи современных электоронных устройств: *на патриарших снова воланд / но новый миша берлиоз / сидит в наушниках а ваня / бездомный юзает планшет ©urri* [1]. Контраст усиливается употреблением сленгового слова «юзает».

В стишке: *на ямщика пойду учиться / я этот вуз давно искал / экзамены экстрим вожденье / вокал ©Мурка* [1] – реалия ямщик контрастирует с современными бытовыми ситуациями «сдать экзамен в автошколе и получить права водителя», «пройти курсы экстремального вождения». Пуант «вокал» имеет особое значение для создания юмористического эффекта. Здесь читается аллюзия на жанр ямщицких песен, известный в России с XIX в. Песни сочинялись во время долгого пути как от лица ямщика, так и его пассажиров, что, в частности, упоминается в стихотворении А.С. Пушкина «Зимняя дорога» (1826): «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска…».

Деконструкция прецедентной единицы или культурно-маркированного смысла с последующей генерацией нового нарратива (не всегда абсурдного) в пределах той же единицы КК. Например: *я принимал вас за синицу / а вы вдруг стали так смелы / и неожиданно сказали / курлы ©NataliE muzz noflyzone* [1]. Первая часть прецедентного высказывания «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» реализуется эксплицитно (синица), а вторая (журавль) описывается аллюзивно звукоподражательным словом «курлы» в позиции пуанта.

В другом примере аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» (1828) построена путем выделения метафоры «глаголом жги» и помещения ее в абсурдный «опрокидывающий» контекст: *я в холодильнике глаголы / храню лишь только для того / не жгли они чтоб слишком сильно / сердца изнеженных людей ©ВСЕ ОК* [2].

В следующем примере происходит деконструкция двух прецедентных единиц: *поэт не ведал что когда-то / его назначат нашим всем / и как дежурного заставят / за всё на свете отвечать ©eslitak* [2]. Здесь фраза «Пушкин – наше все!», сказанная А.А. Григорьевым в 1859 г., соположена с аллюзией на фразеосхему «А кто работать (платить, думать и т. д.) будет? Пушкин?», которая употребляется как в повседневной речи, так и в произведениях литературы (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев») и других искусств, а также часто обыгрывается в мемах.

Рефлексивное описание прецедентной единицы или культурно-маркированного смысла. Функциями таких стишков, по нашему мнению, являются скорее фатическая (см.: [Дымарский: 387]) или функция авторефлексии и автотерапии, нежели чем развлекательная. Например, большая группа стишков, построенных на основе прецедентных ситуаций, составляющих феномен «советское детство»: *в моем аналоговом детстве / остались ежик с узелком / скворечник крокодила гены / и хвостик ослика иа ©Arman Teo* [1]; *нашла оксана две копейки / дошла до будки во дворе / и крутит диск у телефона / пытаясь в юность позвонить ©Андрей* [2]; *когда мне было лет семнадцать / был в дефиците интернет / и динозавров я видала / и телефон был проводной ©Olga* [2].

Другой пример – описание образа В. Цоя с использованием прямых цитат из его песен и аллюзии на факты его биографии, сопровожденное иллюстрацией, на которой изображен музыкант с гитарой (со спины), уходящий от зрителя в закат или рассвет (рис. 2).

В стишке-пирожке: *бывает так что пишешь строчки / а их какой-то сукин сын / уже писал гораздо раньше / что я еще могу сказать ©bespamiatnykh* [1] соединяются антифразис «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!», шутливое восклицание самого поэта по поводу окончания драмы «Борис Годунов», и строка из письма Татьяны к Онегину «Я к вам пишу – чего же боле? / Что я могу еще сказать?» с перестановкой двух слов.

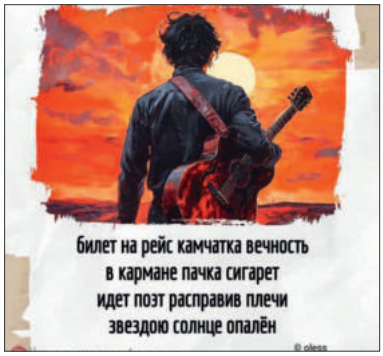

Рис. 2. Иллюстрация, сопровождающая стишок-пирожок [1]

Развитие прецедентной единицы или культурно-маркированного смысла (достраивание сюжета в пределах одной единицы к КК): *дантес стреляет в александра / и ждет когда поэт умрет / проходит век другой проходит / но терпеливо ждет дантес ©0331* [1].

В другом стишке развивается сюжет русской народной колыбельной песни (строки «Придет серенький волчок, / Тебя схватит за бочок…»): *перевернувшись с боку на бок / подмяла под себя волчка / пал глупой смертью не отведав / бочка ©kata_rina_2.0* [2].

В следующих двух примерах достраивается сюжет двух известных скороговорок: «Ехал Грека через реку…» – *держа большую кружку с пивом / в руке запомнившей укус / отведал грека прелесть мести / на вкус ©ленасть* [1]; и «Шла Саша по шоссе и сосала сушку» – *прошла все трассы александра / известный с детства сушкоед / а четкого произношенья / все нет ©Soul* [1].

Генерация абсурдного нарратива на стыке нескольких прецедентных единиц или культурно-маркированных смыслов одного или нескольких пространства (тематического, временного). Например, абсурдность нарратива в стишке-порошке: *тортила из воды достала / и мяч и ключик и муму / не перепутать бы теперь что / кому ©Евдокея* [1] строится на соединении сюжетов сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», рассказа И.С. Тургенева «Муму» и аллюзии на стихотворение А. Барто «Мячик» («Наша Таня громко плачет: / Уронила в речку мячик…»). В стишке *по хлебным крошкам ганзель с гретель / искали путь в ночном лесу / вели останки колобка их / в лису ©Gena_* [1] объединены в один нарратив немецкая народная сказка «Гензель и Гретель» (сказки братьев Гримм) и русская народная сказка «Колобок». В немецкой сказке брат и сестра пытаются найти дорогу из леса, где оставила их злая мачеха, по хлебным крошкам.

Таким образом, выделение лингвистических единиц КК позволяет отчасти «материализовать» этот ментальный конструкт и показать его значение в реальной коммуникации. Интернет-фольклор является одним из ресурсов динамической трансляции КК разных типов среди их носителей в естественном ее проявлении. Дискретные единицы КК, среди которых мы выделили прецедентные единицы и культурно-маркированные смыслы, в стишках-пирожках и стишках-порошках транслируются способом пря-

мого наименования, но чаще описываются аллюзивно, подвергаются деконструкции, достраиваются, сталкиваются с другими единицами с последующим порождением абсурдного нарратива, приобретают другой смысл за счет интеграции других (новых) значений составляющих их лексических единиц. Отдельную группу составляют рефлексивные стишки, выполняющие фатическую функцию или функцию саморефлексии. Эти способы динамической трансляции подразумевают владение отправителем и реципиентом сообщения одним и тем же кодом. Перспективами данного исследования является изучение востребованности (актуальности) тех или иных единиц КК, способности декодирования их носителями других кодов разных типов, а также потенциала таких единиц в маркетинговой лингвистике и социологии.

Примечания

[1] Исследование аналитического центра НАФИ и «Российской креативной недели» 2022 года. URL: https://nafi.ru/analytics/pushkin-sila-voli-i-bogatyri-chto-sostavlyaet-kulturnyy-kod-rossiyan/ (дата обращения: 15.08.2025).

[2] Rinzler J.W. The Making of Star Wars: The Empire Strikes Back. New York, Del Rey Books, 2010, p. 12.

[3] Звездные воины. URL: https://starwars.fandom.com/ru/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD (дата обращения: 15.08.2025).

[4] Сергей Курий Енот: милашка в разбойничьей маске. URL: https://www.kursivom.ru/ (дата обращения: 15.08.2025).

Список литературы

Источники

[1] ТГ Четыре строчки без точки. URL: http://t.me/strochki_bez_tochki (дата обращения: 15.08.2025).

[2] ТГ Стишки пирожки. URL: https://t.me/+GG0yo1t1w6k2OGYy (дата обращения: 15.08.2025).

Исследования

Батыршин Р.И., Гуревич Л.И. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 1 (92). С. 8–18.

Букина Н.В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010, № 2 (47). С. 232–237.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Гуревич Л.С. Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» культурные коды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 119–126.

Донец П.Н. Об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 183–194.

Дымарский М.Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов; Москва, 2012. Вып. 8. С. 385–390.

Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 152 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. Москва: Гнозис, 2016. 496 с.

Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок») // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, № 4. С. 109–126.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Петренко С.Н. Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 178 с.

Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики: автореф. … д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 41 с.

Чемезова И.А. Неустранимая тяга к креативности, или прецедентная языковая игра в интернет-сообществах (на примере сообщества «Порошки») // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. Вып. 2 (28). С. 151–161.

Щукина К.А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках – новых жанрах современной интернет-поэзии // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 40–54.

Quinn N., Holland D. Culture and cognition, ed. by D. Holland, N. Quinn. Cultural models in language and thought. Cambridge University Press, 1987, pp. 3–40.

References

Batyrshin R.I., Gurevich L.I. *Fenomenologicheskie aspekty ponjatij "nacional'naja kul'turnaja identichnost" i "kul'turnyj kod natsii"* [Phenomenological aspects of the concepts of "national cultural identity" and "cultural code of a nation"]. *Kul'turnaja zhizn' juga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia], 2024, no. 1 (92), pp. 8–18. (In Russ.)

Bukina N.V. *K voprosu metodologii issledovanija kul'turnyh kodov* [On the methodology of researching cultural codes]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo uni-*

versiteta. Filosofija [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy], 2010, no. 2 (47), pp. 232–237. (In Russ.)

Chemezova I.A. *Neustranimaja tjaga k kreativnosti, ili precedentnaja jazykovaja igra v internet-soobshhestvah (na primere soobshhestva "Poroshki")* [The irremediable craving for creativity, Or a precedent language game in online communities (a case-study of the "Pirozhki" community)]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Language. System. Personality: The linguistics of creativity], 2019, no. 2 (28), pp. 151–161. (In Russ.)

Donets P.N. *Ob issledovatel'skoj edinice mezhkul'turnoj kommunikacii* [On the research unit of intercultural communication]. *Vestnik VGU. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of VSU. Ser.: Humanities], 2003, no. 2, pp. 183–194. (In Russ.)

Dymarsky M.Ya. *Mezhdu zhanrom i tvorchestvom, ili K stanovleniju pirozhkovogo myshlenija jazykovoj lichnosti* [Between genre and creativity, or Towards the formation of the pirozhokthinking of a linguistic personality]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Saratov, Moscow, 2012, vol. 8, pp. 385–390. (In Russ.)

Ivanova S.V. *Lingvokul'turologija i lingvokognitologija: soprjazhenie paradigm* [Linguoculturology and linguocognitive studies: Conjugation of paradigms]. Ufa, RIO BashGU Publ., 2004, 152 p. (In Russ.)

Gurevich L.S. *Problemy perevoda kul'turno determinirovannyh smyslov: "neperevodimye" kul'turnye kody* [Problems of translation of culturally determined meanings: "Untranslatable" cultural codes]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Ser.: Humanities], 2024, vol. 9 (890), pp. 119–126. (In Russ.)

Krasnykh V.V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psiholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2016, 496 p. (In Russ.)

Krongauz M.A. *Pereosmyslenie teksta i motiv prevrashhenija v malom zhanre internet-pojezii ("poroshok")* [Rethinking the text and the motif of transformation in the small genre of internet poetry ("poroshok")]. *Slovo.ru: baltijskij akcent* [Slovo.ru: Baltic Accent], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 109–126. (In Russ.)

Lotman Yu.M. *Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, 464 p. (In Russ.)

Petrenko S.N. *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoj postmodernistskoj literature poslednej chetverti XX – nachala XXI veka* [Genre models of postfolklore in Russian postmodern literature of the late 20th and the early 21st century: PhD Thesis in Philology]. Volgograd, 2017, 178 p. (In Russ.)

Smetanina S.I. *Media-tekst v sisteme kul'tury: Dinamicheskie processy v jazyke i stile zhurnalistiki* [Media text in the cultural system: Dynamic processes in the language and style of journalism]. St. Peterburg, 2002, 41 p. (In Russ.)

Shchukina K.A. *Precedentnye fenomeny v pirozhkah i poroshkah: novyh zhanrah sovremennoj internet-pojezii* [Precedent phenomena in pirozhki and poroshki: new genres of modern internet poetry]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], 2015, no. 4, pp. 40–54. (In Russ.)

Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2001, 288 p. (In Russ.)

Quinn N., Holland D. Culture and cognition, ed. by D. Holland, N. Quinn. Cultural models in language and thought. Cambridge University Press Publ., 1987, pp. 3–40.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 05.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.